

Александр Иличевский написал книгу, соединяющую в себе художественный роман и автофикшен. И много чего еще. Но об этом — чуть дальше. Подробно препарировать текст, разделяя и разбираясь, где вымысел, а где воспоминания, совершенно не нужно, потому что текст получился целостным и единым.

Действие романа происходит в недалеком будущем, когда сознание уже можно напрямую подключать к всемирной сети. С этого момента грань между своим и чужим стирается окончательно...

Голову героя буквально разрывает от воспоминаний, за которые он не может поручиться, — его они или чьи-то еще, имплантированные вместе с кремниевой капсулой в мозг? Например: «В какой-то момент мое сознание может быть переполнено воспоминаниями, никак не связанными с настоящим временем, в том числе и ложными (возможно, чужими, но точно я не знаю)». Человеческое сознание оказывается разомкнутым, негерметичным, как пост- или метамодернистский текст. Падший ангел Азazel научил людей видеть то, что было позади них, то есть изобрел историю. «Исландия» — путь героя к обретению собственной, индивидуальной истории. В обстоятельствах, когда предельно личное становится отвлеченным и наоборот, мы наблюдаем одновременно и остранение, и присваивание постороннего. Память для героя становится тождественной тревоге, она — продукт одиночества.

Герой переводит время на часах деда, считая их машиной времени. Но когда он приносит их в мастерскую для починки, мастер говорит, что это не часы, а какой-то непонятный прибор. Герой испытывает облегчение: то ли потому, что вещь останется неизменной, то ли от осознания, что не сможет поддаться искушению и с их помощью изменить время по-настоящему. Время в романе — странная, тягучая и изменчивая субстанция: «Поначалу я думал, что время — это смысл. Что время — это

мера мысли. Чем более толковую мысль подумал, тем старше становишься». Пространственно-временной континуум романа искривлен: лежа в зной под влажной простыней, герой смотрит фильм China-town и вспоминает семейные легенды, вдруг понимая, что жизнь его семьи имеет параллель с этим фильмом. И вот уже мосновская жара 2010 года обретает побратима в жаре Лос-Анджелеса, где спустя некоторое время окажется герой. Да и сам Лос-Анджелес неслучаен — город, воплотившийся в реальности из кинофильма, сам содержит в себе Голливуд: «город, созданный ради производства иллюзий, город, где декорации величественнее самих зданий». «Такой город не может не стать воронкой между действительностью и несуществованием, ангелы обязаны населять его вместе с духами надежд и разочарований». Иличевский плетет тончайшую паутину смыслов, где каждый отдельный на первый взгляд эпизод мерцательно, некрепко, но очевидно связан с другими. Иллюзия — одно из ключевых слов в романе «Исландия». То, что в индийской философии носит имя майя (особая энергия, которая одновременно скрывает истинную природу мира и обеспечивает многообразие его проявлений), окружает героя, проникает в его сознание. Майя — созданная творцом иллюзия, и герой, которому в мозг вживлена капсула, не понимает, кто ее творит: он сам или органические алгоритмы.

Герой, так же как прадедушкины часы, может ненадолго останавливать время: «Медленность черепахи меня завораживала, она казалась чем-то похожей на меня — существо, застывающее понемногу в райском янтаре пардеса, полного закатов и восходов». Иличевский пишет, что в то время как историческое время стоит на месте, «личное и технологическое бегут хоть и врозь, но наперегонки, неудержимо». В пустыне, по которой герой путешествует в компании с горцем Нарабахом, лицедеем Балаганджи и историком Петьюной-Наифой, время течет за пределами медленно, «здесь вы вязнете в секундах, минутах, часах — как муха в застывающем янтаре, обращаясь наступающей неподвижностью к вечности». Нарратор говорит о том, что его первая повесть называлась «Нефть», что отсылает нас и к родному для писателя Апшерону (и роману Александра Иличевского «Перс»), и к нефтяным кораблям крестоносцев, а заодно и к фамилии ювелира, к которому ехал в США прадед героя, — Мансу Нефты. А еще — к ботаническому термину *Neft von Oberkreim*, коробочке верхних семян. Герой ощущает себя семенем, стоящим перед выбором — вернуться или прорасти.

Исландия — район Иерусалима, который назван именем страны, в числе первых признавших Израиль. Это район, жизнь в котором возможна лишь сообща. Поэтому жизнь героя — это его близкие: Мирьям, которая не мыслит себя вне Израиля и с которой героя связывают странные, мерцающие, полиаморные отношения, и друг беженец Айзен, спасенный матерью в младенчестве от съедения расчеловечившимися от вызванного великим голодом кризиса людьми. Любовь и дружба оказываются обезболивающими, принимаемыми от жизни. «Многие исчезли, многие выросли, будущее неведомо и безразлично к тебе самому, как нанатывающая в лоб звездная бездна. Наверное, так, приблизительно, выглядит время Екклесиаста в мире, стремящемся в иную эпоху, когда прошлое бросается волнодавом на спину новому». Здесь Иличевский прячет цитату из стихотворения Осипа Мандельштама про век-волнодав — стихотворения о смерти.

Писатель уподоблен геологу, ведущему алфавитную добычу, но концентрация алфавитных знаков, как концентрация полезных ископаемых, неоднородна. Где-то промышленная разработка возможна, а где-то — нет. «Управлению Книги просто необходимо доказать, что Земля в целом — уникальное место на планете, где залежи алфавита обладают наивысшими значениями». Весь мир — это рассказанная история. В ткань повествования вплетаются Талмуд, Карл Ясперс, Осип Мандельштам, Лев Гумилев и Стивен Хонинг. Ясперс писал об осевом времени как моменте рождения философии. В этот момент дар пророчества перешел к детям и сумасшедшим. «В истории человечества практически все деятели, совершившие серьезные прорывы в развитии цивилизации, находились по ту сторону психиатрической нормы». Граница между мирами проницаема, и сумасшедшим пересечь ее проще всего, поскольку они живут в романтическом двоemiрии. Бабушка героя Серафима, в конце жизни оказавшаяся в Сан-Франциско, постоянно нурсирует между «нормальностью» и безумием, между реальным миром и «миром воспоминаний и слепков чувств», то есть майя. Улетая в США, она везет с собой чемодан с тетрадами: «В них содержались скрупулезные перечисления событий, дат, личных и исторических, все, что могло бы помочь ей восстановить в случае очередного провала памяти свою личность». Сима — романский «двойник» своего внука. Именно восстановлением своей личности занят и он. Время делает петли: бабушки в детстве ухаживали за внуком, теперь он заботится о них. Он выполняет желание Симы, возможно, полубезумное, мерцающее, призрачное: возвращает ее в детство. Здесь возникает тема индивидуальной ценности, только-для-меня-ценности: детские воспоминания Серафимы или сокровище Гиты, хранимое всю жизнь и оказавшееся просто горсткой сердоликов и обломком горного хрусталя. Таную же ценность несет личная история для героя — только для него, ни для кого больше.

Все они — Ариша, Сима, Гита — ушли, ушли за пару страниц романа, и это тоже, как и все у Иличевского, неслучайно — вместе с ними ушло их время, оставив после себя горстку не имеющих никакой ценности камней. Таким же прошлым осталась история племени майя (любопытная параллель с иллюзией-майя), барельефы иероглифов которого делает герой. Мертвая цивилизация наползает на живую, ушедшее время проникает в настоящее. Иличевский написал роман о том, как «в океан безвременья уходит твое странное, как китайский фейерверк и полотна Левитана, время жизни». Смысл жизни, по Иличевскому, состоит в его отсутствии, в том, чтобы научиться сосуществовать с забвением.

Иличевский экспериментирует с формой, смело смешивает прозу и эссеистику, пьесу и поэзию. Пьесы написаны в духе Беннета — диалоги странные, абсурдные, это разговоры сна или сумасшествия (снова романтическое двоemiрие и пересечение границы) — потустороннее пространство, где нет времени, но есть ожидание («В ожидании Годо»). Действие в них происходит в абстрактной пустыне, пустоте, вакууме. Это пустыня, оставляющая героев наедине с собой. Пятидесятилетний Михаил говорит о том, что суть его существования составляют сновидения. Сны, позволяющие совершить переход, воплощают тягу к стертой памяти, в снах героя — мотив обретения дома. Герой идет по пустыне за голубой верблюдицей: человек, ищущий дом, идет за животным, ищущим дом. И в пути обретает клад, ценность которого понимают лишь избранные (снова мотив не всеобщей, неочевидной ценности).

Где наука встречается с чудом? Как они пересекаются в нашей Вселенной? Возможны ли в космосе еще не осознанные и не освоенные нами коммуникационные процессы? Главное противостояние нашего времени — противостояние физики и метафизики, религии и науки, и разрешить его можно только движением навстречу друг другу. «Исландия» — это роман о разнице между зрением и видением, важным становится не то, что непосредственно попадает в фокус объектива, а *vision over visibility*. Иерусалим — город, в который «тянутся те, кто был не способен обрести опору в реальности и теперь ищут пору в воображении». Младший брат героя Нома общается с духами, которые хотят выжить его из дома, и эта реальность для него не менее настоящая, чем бытовая, обыденная.

Герой рассказывает Айзену легенду о голубой верблюдице, которая, невзирая на границы и препятствия, возвращается оттуда, где ей плохо, туда, где ей хорошо. Так и герой — странствует в поисках своего «хорошо» и обретает его в Израиле. Иерусалим — отринутый от мира город, испытывающий нелюбовь и пренебрежение со стороны большинства столиц. Нарратор описывает Израиль, который называет Землей, и через географические описания словно стремится осознать, постичь его, усвоить и присвоить. «Главный житель Иерусалима — некая сущность, вобравшая в себя сразу и прошлое время, и будущее, жаждущая мира и угрызений совести». «Исландия» — это ода странному, непонятному и непостижимому городу, обретя который герой обретает себя. «Заходившие сейчас в бары этого города оказывались вне своего прошлого, настоящего, будущего. В нас видны были только промельки душ, отлетавших, не успев оглянуться на город. Личные судьбы назвали мелкими в сравнении с глыбами времени, за которые брался резец заката. И что теперь могло сделать со мной время — в этом городе, состоящем из самого нерушимого и самого эфемерного во Вселенной».

